языка).[9] Исследователь приводит примеры исключительно из памятников делового языка.

А. И. Сумкина, рассмотрев конструкции с «что» в памятниках XIII—XVII вв., приходит к выводу, что предложения с относительным местоимением «что» встречаются преимущественно в языке грамот и представляют собой определенную форму делового языка.[10] Для такого вывода имелись основания не только в материале, привлеченном А. И. Сумкиной (изучены памятники различных жанров), но и в примерах, приведенных А. А. Потебней (даны примеры только из памятников делового языка), а также и в том, что исследователи языка неделовых памятников не отмечают этой конструкции. Следует, однако, указать, что Е. С. Истрина, говоря об употребительности подчиненных предложений с «что» во втором и третьем почерках Синодального списка Н1Л как о факте живой русской речи, приводит примеры с «а что» в начале первой части предложения. По-видимому, эти примеры отражают влияние делового языка: «а что на дъщьках, а то кнзю оставиша (148, 18)»; «. . . а что есмы изъимали мужии ваших, а теми ся розменим (259, 3)».[11]

Из конструкций с «что» реже всего встречаем конструкции, в которых этому «что» не предшествует союз «а» или «и», причем наиболее ограниченными являются случаи с именительным существительного при «что»: «что земля святаго Юрья на Волоце, кто сядет на земли святаго Юрья, дал есмь им волю, ненадобе им потягнути к городу ни в которую дань, ни в подводы, ни в кормы, ни в стан, ни в который протор» (Моск. гр. между 1338—1340 гг.); «что у него пустоши монастырские на Лыскове и на Курмыше, Савины Сюзева пустоши, да Митроховскаа пустошъ, да пустынка на Стобищах, и кого на те пустоши перезоветъ людей и тутошних старожилцев, и тем людем на три года ненадобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни ям, ни подвода, ни инаа никоторая пошлина» (Моск. гр. 1423 г.); «что люди монастырские пошлые в городе и в селех, коли придет моа дань и игумен за них заплатит по силе» (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.); «что их село монастырское Мигино, да пустоши на Лыскове и на Курмыши Савины Сюзева, да Митроховская пустош, да пустынка на Стобищах; и кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей и тутошних старожилцев, и тем людем ненадобе моа дань, ни ям, ни подвода, ни писчаа белка, ни инаа никоторая пошлина на три годы» (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.).

В первых двух примерах и в последнем примере предложение с «что» относится к члену придаточного предложения, а не главного предложения («на земли святаго Юрья»; «на те пустоши»; «в то село и на те пустоши») и только через это придаточное связано с главным (в первых двух примерах и в последнем примере в главном предложении идет речь о людях, а не о земле, не о пустошах, не о селе и пустошах).

---

[9] Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. — Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6, Сборник работ Кафедры русского языка, Казань, 1952, стр. 75.

[10] А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. — Труды Института языкознания АН СССР, т. V. М., 1954, стр. 178—179.

[11] В этом примере «что» тяготеет к имени, а не к глаголу. Ср. замечание А. А. Потебни о примерах с глаголом: по его мнению, в них «что» — «союз, частица, тяготеющая уже не к имени, хотя бы имя в именительном или винительном и было налицо, а ко глаголу» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 349). Однако случай, где родительный падеж количественный зависит от «что», а не от глагола, приведен А. А. Потебней в числе примеров, в которых «что» — местоимение (там же, стр. 349).